
Григорий ЗИНГЕР

* * *

имеющий ухо
да слышит
что дух говорит церквам
имеющий паблик
да не устрашится
интеллектуальной кражи
мне прошлым даровано свыше
послание из ЦК
я внемлю охрипшему голосу жизни
из клумбы за эрмитажем
культура страданий
на нервной почве
взывает
посторонись
соловьи в полицейских губах свистят
безразличие многолико
за постмодернизмом
следует точно такой же
постпостмодернизм
а за ним
десять лет спустя
будет выпущен
стремный приквел

в госдуме
на чаши весов
возложат
наши легкие
печени
и носы
осмотрев которые
главный врач
всем раздаст
направления в жерло

Григорий Зингер родился в 1991 году в Киеве, большую часть сознательной жизни провел в Калининградской области, где окончил КОМК им. Рахманинова. Автор многочисленных текстов и литературных переводов. Лауреат фестиваля молодых поэтов «Мцыри», текстник и музыкант регги-группы «IRUS», соавтор серии музыкально-поэтических инсталляций «тётра», one-man band dictator. Публиковался в «Зинзивере», газете «День литературы», газете «Правда жизни», проекте «Живые поэты» и различных сетевых медиа. Живет в Санкт-Петербурге.

и по телику скажут
спастись возможно
мойте руки
обрейте власы
создавайте заметки
списки задач
вставляйте изображения

* * *

Я покупал «Голландский» сыр
со скидкой в тридцать два процента,
в знакомой лавке возле церкви
чинил настенные часы
за братский ценник, а потом,
поймав шальную босса-нову,
в комиссионном у Сенного
я брал за полцены пальто.

И ненаписанной строкой
назрел вопрос невыносимый —
с каким дисконтом и пассивом
я приобрел у Высшей силы
такую жизнь и век такой?

* * *

На улице Краснокаменной рубцы от кирпичных стен.
Собаки глядят оскаленно — и жалобно, вместе с тем.

На набережной Макарова судачат — здесь есть о ком.
И птичий галдеж закадрово подзвучивает ситком.

На улице Юных Ленинцев разыгрывают префлоп.
В подвале пытается пленницу насильник-социофоб.

На станции «Пролетарская» забрали последний «брют».

На улице Володарского кого-то по морде бьют.

А там, далеко, в то время как
звенит об асфальт стекло,
студенты ведут полемику,
на город идет циклон,
в подъезде блюет обнюханный,
в ТЦ верещит безнал —
на улице Карла Юхана
весна.

* * *

Ждать, непременно ждать —
видимо, в том нужда —
ждать за рулем ПК
сенсорный слог, пока
снова не вззоет бес,
выскоблив больше вне-
временности и бес-
памятства на волне.

Ждать не Итак — а так,
ангельский кавардак;
в такт не попав, с шестом
чалиться вдоль частот,
впитывая настрой,
ладан, терновник, воск,
чтоб зазвучал на сто
внутренний терменвокс.

Ждать, но не той скупой
симоновской строкой.
Ждать, но не из-за касс
мямля в окно заказ —
за город, за посты —
сотканным из теней
ждать и не стать простым
постером на стене,

осточертев среди
искренности седин,
чтобы в тот самый день
встретиться там же, где
— выпить того же, что
— так и не разгадав,
выяснить, что пришел
снова туда, куда.

* * *

Девочка, слушай — все мы сыграем в ящик.
Щелкнут наручники, время сомкнет кольцо.
Поговори со мной тихо и ненавязчиво,
как с мертвецом.

Дело не в панике, не в криминальной хронике,
Не в обессонивших синусных волосах —
на континенте нет разговоров, кроме как
о мертвецах.

Кости хрустят, перемытые поколением.
Мертворожденные прячутся в переплет.
Мертвые вороны внемлют пустой полемике.
Мертвая плоть.

Слушай и не дожидайся условных знаков.
Слушай, ведь каждое слово имеет вес —
так говорят Заратустра, Столыпин, Сахаров.
Так говорит мертвец.

* * *

люди думают о будущем
принимая вес и вызов
люди чашечки и блюдечки
в разукрашенных сервизах
люди глянца и металла
жертвы грез
объекты сыска
люди пыль документальная
шелест карты медицинской
люди в люльки упакованы
Вавилоном и Сионом
люди людям льют на головы
бриллиантовый зеленый
новый флаг толпе ликующей
новый лозунг
новый слоган
люди думают о будущем
но про вечное
ни слова

* * *

Конечно, прекрасен церковный звон.
Но я видел, как, цепью звеня,
церковная вошь защищает неистово
путь в небесное царство.

Конечно, наркотики — сущее зло,
но на глазах у меня
наркоман чью-то девочку вынес из-под
грузовика на красный.

Конечно, история учит. Звено
за звеном. Церемония антиподов,
долгов, десятин, круговых порук,
беспринципных разделов власти.

Конечно, свобода — основа, но
защищая мою свободу,
мой друг на Донбассе умер. Мой друг
убивал людей на Донбассе.

Конечно — закон, мораторий, вето,
жизнь в рациональном ключе,
диспуты, споры — побольше в жерло
да в топку, красные, белые...

Конечно, нам очень нужна
победа, вот только — чего над чем,
и чем мы готовы пожертвовать
ради такой победы?

* * *

Мы — словно ржавчина из-под крана. Мы — словно вечерний джаз.
Мы все состаримся слишком рано, потратив последний шанс.
Мы знаем каждый ненужный повод и каждый обценный жест.
Мы можем выстроить целый город, похожий на Pere Lachaise.

Нас научили быть жестче, строже и верить своей тропе.
Нас, к сожалению, очень сложно спонтанно узнать в толпе.
Мы смотрим как-то комично гордо, не в силах умерить спесь.
Нам нужно бить сапогами морды за то, что мы просто есть.

Мы курим траурно на балконах, рассматривая людей.
Мы не умеем ценить законы. Мы знаем почем и где.
Мы верим Хокингу и Вольтеру. Мы пишем вселенский текст.
Для нас транслируют vox aeterna на скомканных пачках «Next».

Нас исполняет по полсезона оркестр Концертгебау.
Мы все приходим дистанционно. Читайте нас по губам.
Мы wireless nets. Мы вселенский «похер». Мы мчимся на звон монет.
Мы честь и совесть своей эпохи. Хотите вы или нет.

* * *

время как верхняя дека
под коваными руками
вчераших младенцев
да завтраших наркоманов
армия маленьких деток
идет выбивать потроха
заваривать кашу
вытряхивать наши карманы

окрашивать серость проспектов ситцем
акрилом своих штандартов
и сам ты
вчерашний солдат, променявший
честь на мундир тщеславия
падешь на колени
станешь проситься
обратно хотя бы в штрафбат, но
среди тишины лишь случайная башня
в ответ рассмеется часами